

Елена АЛЬМАЛИБРЕ

Родилась в 1986 году в Константиновске, Ростовская область. Окончила магистратуру Южного федерального университета, факультет романо-германской филологии (английский, испанский языки). Работает переводчиком.

Публиковалась в журналах «Дон_новый», «Север», в газете «Литературная Россия», альманахе «Ковчег», на сайте «Российский писатель». Участник Совещания молодых литераторов «Химки-2021», «Химки-2022». Член Союза писателей России.

Живет в Ростове-на-Дону.

VESPERE*

По радио зазвучала ария, пел итальянский тенор. Сотрудница Ани в университетском архиве покачала головой.

– Удивительно, да? Вроде у всех людей горло, язык... А слушаешь итальянцев, и кажется, что у них как-то не так...

После работы Аня вышла на улицу и свернула в направлении «Циферблата». Там проходили различные мероприятия, а поминутная оплата включала напитки и лакомства. Аня устроилась в кресле с чашкой кофе и книгой и вдруг услышала, как кто-то по-итальянски объявил: *Pizza capricciosa***. Аня подумала, что двойное «с», превращающееся в мягкое соблазнительное «ч», тоже играло не последнюю роль в очаровании, производимом итальянскими певцами. Почему пицца, если среди закусок «Циферблата» были только печенье и сезонные фрукты? По комнате разнёсся запах горячего теста, томатов, оливок и ветчины. Всё это венчалось ароматом сыра, который словно растекался по столам и бесчисленным нерабочим будильникам, расставленным повсюду для антуража – почти как на картине Сальвадора Дали «Мягкие часы». Семь лет назад на филологическом Аня факультативом изучала испанский. А вот два слова вкупе с ароматом пиццы заманили её в разговорный клуб итальянского, который вела в центре южного русского города Анна.

Имя, казалось, было единственным сходством Ани и Анны. Аня была блондинкой, Анна – брюнеткой. На лице Ани были веснушки, у Анны было невероятно чистое лицо. Аня была русской, Анна – итальянкой. *Anna Vespere* – писал в анонсах «Циферблат», где молодёжь

* Вечером (лат.).

** Пицца капричоза (итал.).

делала первые шаги во взрослую жизнь, получая символическую плату, а в качестве премии – общение и щедрые объятия.

За один месяц Аня самостоятельно вызубрила мини-разговорник по итальянскому, записалась на онлайн-интенсив и, как голодный человек поедает горячую пиццу, с жадностью хваталась за каждый новый «кусочек» языка из романской группы. Она добавила в друзья на «Фейсбуке» одного итальянца – Антонио Серра. На его фотографиях рябели оливки, прямо на ветвях, а посты были подписаны по-русски: «Я Антонио, живу в TOFFIA, мне 64 года. Я женат. Мне нравится музыка и сельская жизнь. Я – масло *produttore*, и это момент оливкового сбора». Слово *produttore*, очевидно, не было переведено недогадливым гуглом, так как в оригинале оно писалось через двойное t – *produttore**. Аня улыбнулась, вспомнив отца, который после развала СССР пытался начать своё дело, но не успел – оторвался тромб.

Антонио был похож на увлечённого деревенского старьёвщика. Однажды он прислал Ане фото высокой медной посуды, по форме похожей на песочные часы, с двумя тонкими ручками. Когда Аня уточнила, что это, Антонио ответил: «До 1940-х годов в доме не было воды, женщины ходили с медным КОНКА на голове». Гугл снова не справился с переводом. Аня несколько раз представляла с этой посудой на голове Анну, лились итальянские фразы, и картинка далёкой страны вставала у неё перед глазами.

Когда Аня посылала Антонио какие-то свои кадры, он никак не реагировал, словно ему нужно было лишь одностороннее общение. Иногда Аня даже собиралась перестать ему отвечать, но пасторальные снимки всякий раз заставляли её передумать. А вот чего Аня однозначно избегала – так это слушать короткие аудиосообщения, в которых Антонио говорил по-итальянски *Buongiorno, Anna!*** . Голос у него был трескучим и казался угрожающим своей резкостью. Наверное, если бы он взялся вдруг озвучивать мультфильмы, ему бы обязательно дали роль пирата или разбойника.

Антонио не стеснялся отправлять фотографии всего, что вдохновляло его – рассвета, деревьев, цветов, пасты. Оливки в его огромных руках были похожи на мелкие бусины. Аня гадала, хотел ли Антонио очаровать её Италией или просто гордился тем, что именно он умел замечал эту красоту. Однажды цветущие абрикосовые деревья Тоффии засыпало снегом. «Снег нанёс ущерб, но красивые вещи никогда не умрут», – написал Антонио.

На день отца в Италии Пирина, жена Антонио, приготовила пышные эклеры. Аня спросила, есть ли у него дети. Антонио ответил «НЕТ».

«В Италии дикая спаржа – символ Пасхи», – писал Антонио. Аня уже всерьёз мечтала об Италии, быть может, даже выйти замуж за итальянца... По примеру Антонио она приготовила пасту и спаржу для угощения в клубе. Аня знала, что Антонио вряд ли ответит, но всё же написала ему размышления одного русского лингвиста: «Главное событие года католиков – счастливое Рождество, а для православных это Пасха, воскресение Христа после мучительной смерти, что говорит о том, что мы более заиклены на страданиях». Но на сей раз Антонио ответил: «Рождество поближе к родным, а Пасху можно праздновать и подальше. Так здесь говорят».

* Производитель (*итал.*).

** Доброе утро, Анна! (*итал.*)

Когда Аня расстелила свою скатерть-самобранку перед участниками разговорного клуба, Анна застыла, затем резко подняла глаза на Аню. Она поочерёдно пробовала блюда, но, казалось, ей было тяжело глотать. Смущённая Аня прятала глаза – ей казалось, что она сделала что-то ужасное, что обидела Анну своей «пародией» на итальянскую кухню, хотя другие участники нахваливали угощение и, похоже, не замечали странной реакции Анны.

Через полтора часа все участники разошлись, Аня молча собирала посуду.

– Ты словно видишь моими глазами, – вдруг тихо сказала Анна. – Эти блюда каждую Пасху были у меня дома, в Италии.

Аня улыбнулась, всё ещё виновато.

– Мне рассказал один итальянец.

Она поспешно открыла утреннее сообщение. На фотографии был Антонио, он держал перед собой тарелку с треугольной пастой, залитой томатным соусом, а поверх были выложены оливки. Он словно приглашал за стол, где был готов семейный ужин. Аня протянула телефон тётке. Анну вдруг передёрнуло, она, словно колдунья, зашептала проклятья на каком-то тайном языке – Аня не понимала ни слова, впервые слыша итальянский мат. Глаза итальянки стали похожи на побуревшие оливки, а щёки покрылись пятнами, словно лицо Анны превращалось в тарелку с пастой.

– Пойдём, я всё тебе расскажу, – Анна схватила Аню за руку и практически потащила её за собой – туда, где была маленькая комнатка, которую называли «тайной» – в воскресенье вечером она всегда пустовала.

В голове Ани звучал голос Антонио: *Buongiorno, Anna!*, перед глазами мелькали то его фотографии, то взбешённые глаза Анны. Лишь спустя какое-то время Аня поняла, что сидит на небольшом диванчике в «тайной», а перед ней нервно щёлкает кнопкой настольной лампы итальянка. Плечи её ссутулились, губы были вспухшими, как после острого кетчупа.

– Аня, этот человек – мой отец. Самый настоящий родной отец. Ты не рассказывала ему про меня?

Аня отрицательно покачала головой.

– Помнишь Андрея? Он как-то приходил. Я встретила его в Тоффии год назад. Он русский, учился в Римской консерватории и приехал в Тоффию на выходные. Он снимал видео селфи на фоне заката и пел старинную песню, которую всегда напевал мой отец – *Vespere*. Я стояла как зачарованная, впервые осознав, какая красивая эта песня. Он увидел меня в кадре, обернулся и замолчал. Я тоже молчала. Тогда он улыбнулся и снова запел, снимая нас обоих.

Я влюбилась как кошка. Он жил в маленькой палатке на окраине Тоффии. Ночью я сбежала из дома, и мы пришли к нему. Он твердил, что будет петь в Ла Скала, что мы поженимся, а я возражала, что мой консервативный отец хуже, чем итальянская мафия. Когда мы целовали друг друга уже после полного счастья, я как в тумане услышала голос отца, он звал меня, а затем в палатку заглянул он сам. Чёрт бы побрал эту... только она могла разбудить отца и сказать, где я!

Анна покосилась на дверь, словно кто-то мог подслушивать, и продолжила.

– На меня он даже не взглянул, а рывком вытащил из палатки Андрея в спальнике, как младенца в пелёнке. Он стал душить его, Аня, душить! Была луна, я видела только силуэты, руки отца сливались с

шеей Андрея, и эти руки вырывали страшные хрипы, словно отец выдавливал из него жизнь. Он великан по сравнению со мной, я кричала, бросалась на него, но он даже не замечал этого. В ужасе я схватила какой-то бульжник и со всей силы ударила им отца по голове. Он замер, потом упал вместе с Андреем, точнее, на него. Я пыталась оттолкнуть отца в сторону и вдруг почувствовала что-то мокрое и тёплое. У него из головы шла кровь. Андрей не шевелился, только хрипел и смотрел мимо меня. Я редела, материлась, пыталась привести в чувство то одного, то другого. В конце концов Андрей пришёл в себя, а отец всё лежал. Я схватила телефон, позвонила в службу спасения. Потом увела Андрея подальше в рощу, а сама пробралась в дом, забрала все деньги, что нашла, документы, и мы уехали из Италии. По-видимому, из-за того, что мы не сразу обратились в больницу, Андрей потерял голос, в который я влюбилась.

Да, Аня запомнила Андрея – он говорил неестественным срывающимся голосом, чаще молчал.

– И знаешь, что самое жуткое? Теперь, когда Андрей пытается спеть мне *Vespere*, я слышу хриплый голос отца, как он зовёт меня той ночью. И ещё я больше не могу любить Андрея, словно мы прокляты нашей первой ночью. Отец лишил его голоса, а для талантливого певца это хуже, чем смерть. Всё из-за меня. А я застряла здесь, у меня больше нет дома.

Аня хотела было сказать, что Антонио всё ещё любит дочь, скучает по ней, что он искал в переписке именно её, посылая фото родного края, дома. Но было одно «но»: Антонио написал, что у него нет детей...

– А как же Пирина, твоя мама? – спросила Аня.

Анна шумно сглотнула, точно подавилась неспелой оливкой.

– Моя мама умерла пять лет назад. Она бы никогда меня не выдала.

Однажды Антонио написал Ане: «Кот на фото... Месяц назад умерла Пирина... Я покормил кота, а потом он сел в её кресло. Я был так счастлив».

Анна больше не работала в «Циферблате». И только Андрей иногда пугал Аню хриплым приветствием: *Buonasera, Anna!*